

УДК 130.12+316.3

Тотальность как деконструкция социальной целостности: аутентичность тотальных практик

Бродецкая Ю.Ю.

Национальная металлургическая академия Украины, Днепрпетровск (Украина)

Состояние феномена социальности современной эпохи поднимает вопрос о ее дальнейших перспективах и моделях реализации. Как возможно будущее общество, что составляет условия и угрозы его функционирования, каковы механизмы решения проблемы социальной целостности? Эти вопросы занимают исследовательское поле современного социально-философского дискурса.

Цель статьи – анализ феномена тотальности, выступающего в качестве альтернативы решения проблематики социальной целостности общества Модерна. Механизмы формирования и практики реализации последнего исследуются автором как симулякры общественного единения.

Материал и методы. *Объектом исследования выступает феномен тотальности, его экзистенциальные основания и потенциал, предметом исследования – аспекты реализации, практики тотальности, активно инвестирующиеся в современном обществе в качестве способов решения проблемы социальной целостности. Теоретико-методологическую базу исследования составили традиции православной христианской философии, экзистенциализма, а также психоанализа, раскрывающие фундаментальные аспекты решения проблемы социальной целостности.*

Результаты и их обсуждение. *Идеология тотальности, заявившая о себе в практиках политической деспотии и массового потребления, формирует реальную угрозу целостности индивидуального и социального порядков. Возникая в качестве симулякра стремления к единению, тотальность всегда имеет ярко выраженную деструктивную функцию использования, обладания, то есть потребления. В основании данного феномена лежит стремление к власти, то есть эксплуатации окружающего мира с целью господства над ним. Поэтому, невзирая на формы и варианты реализации тотальности, изучаемый феномен представляет собой угрозу человеческой со-бытийности. Автор делает акцент на деструктивности данной идеологии самой природе социальности, перспективе ее реализации. В связи с этим исследование экзистенции тотальности выступает необходимым методологическим шагом в формировании комплексной методологии феномена социальной целостности.*

Заключение. *В решении проблемы социальной целостности следует опираться на формирование комплексной методологической перспективы, в рамках которой возможен анализ условий, механизмов, логики развития социального единения, а также угроз, актуализирующихся в условиях формирования обществ современного типа. В этой связи анализ феномена тотальности представляется необходимым для компаративного анализа проблематики целостности.*

Ключевые слова: *социальная целостность, тотальность, власть, стратегия служения, обладание, масса.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 139–145)

Totality as Social Integrity Deconstruction: Authenticity of Totality Practices

Brodetskaya Y.Y.

National Metallurgical Academy of Ukraine, Ukraine

The state of the phenomenon of the sociality of modern era raises the issue of its future prospects and models of implementation. How possible is the future society, what makes the conditions and the threat of its operation, what are the mechanisms to address the problem of social integrity? These questions constitute the research field of modern social and philosophical discourse. Therefore, the purpose of this study is the analysis of the phenomenon of totality, which is formed as an alternative to solving the problems of social integrity of modern society. Formation mechanisms and implementation practice of the totality are investigated by the author as simulacra of social cohesion.

Material and methods. *The object of research is the phenomenon of totality, its existential base and potential. The subject of the research is the totality aspects and practices that actively appear in modern society as ways of the social integrity decisions problems. Theoretical and methodological basis of the research were the traditions of the Orthodox Christian philosophy, existentialism and psychoanalysis, which disclose fundamental aspects of social integrity problem decisions.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: brodezkaja_yulij@mail.ru – Ю.Ю. Бродецкая

Findings and their discussion. *The ideology of the totality manifests itself in practices of political despotism and mass consumption. This phenomenon creates a real threat to the integrity of the individual and the social order. Totality is always pronounced destructive function of the use, possession, consumption. Since this ideology emerges as a simulacrum of the need for unity. The basis of this phenomenon is the desire for power, exploitation of the world for the purpose of domination over it. Therefore, ignoring the forms and embodiments of the totality of this phenomenon poses a threat to the human community. The author focuses on the destructive nature this ideology of social, perspective implementation. Therefore, the study of the existence of totality is a necessary step in establishing integrated methodology of the social integrity phenomenon.*

Conclusion. *To solve the problem of social integrity it is necessary to rely on shaping a complex methodology that will identify the conditions, mechanisms, the logic of social integrity. This methodology will also detect threats to the integrity that are actualized in conditions of modern society formation. In this connection, the analysis of the phenomenon of totality is necessary for comparative analysis of the social integrity problems.*

Key words: *social integrity, totality, the power, the strategy of service, possession, mass.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 139–145)

Обострение противоречий, угрозы и возрастающая нестабильность социальных отношений современного общества заявляют о себе кризисом социального порядка, целостности. В связи с этим интуиции относительно конца социальности, перспектив социального целого уже не воспринимаются как мифы культуры Модерна. Реальность изменяется, трансформируются механизмы и логика ее развития и уже не такими радужными кажутся перспективы будущего. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск условий, моделей и вариаций решения проблемы социальной целостности, обретения единства, сакральности социального порядка. Все чаще фокус анализа концентрируется на вопросе относительно угроз последнего. Поэтому исследовательский интерес статьи сосредотачивается на одном из проектов решения проблемы единства, актуализированной реалиями общества Модерна – идеологии тотальности. Нами анализируются природа тотальности, аутентичные практики ее реализации с целью изучения экзистенциальных оснований данного «единения».

Цель статьи – обнаружение деструктивного потенциала феномена тотальности, что предполагает анализ стратегий и форм реализации последнего.

Материал и методы. Теоретическую базу исследовательской работы составляют интуиции, концепции, подходы представителей современной социально-философской традиции, в частности православной христианской, экзистенциализма, психоанализа, в которых раскрываются фундаментальные аспекты решения проблемы социальной целостности, единства, актуализирующиеся в условиях возрастания тоталитарных тенденций Модерна. Компаративный метод позволяет выявить этапы и логику развития идеологии тотальности в контексте инвестиции тотальных практик

в социальную жизнь, их претензии на решение проблемы целостности социального.

Результаты и их обсуждение. Определяя условия, порождающие возникновение и популяризацию в обществе Модерна тотальных практик, претендующих на решение проблемы социальной целостности, единения, большинство представителей психоаналитического направления заявляют о том, что в основании идеологии тотальности лежит *невротическое стремление к власти* (в терминологии К. Хорни), обладанию [1]. В качестве базовой установки данной идеологии последнее на уровне повседневности заявляет о себе возрастающими практиками разобщения, разделения, дезинтеграции социального целого. Идет ли речь о политическом тоталитаризме либо экономической экспансии общества массового потребления, идеология тотальности реализуется в схеме: власть, деньги, престиж, где установка на обладание является следствием актуализации дезинтегрирующего стремления к констатации власти, силы тотального объекта (по отношению к Другому, не равному мне). Соответственно и варианты реализации данной стратегии принимают деструктивный антисоциальный характер: от деспотичного насилия до пассивного потребительского конформизма.

В любом из данных вариантов сохраняется один и тот же движущий принцип: присвоение, накопление, то есть безудержное стремление к обладанию желаемым (в качестве которого выступают статусные аспекты – власть, деньги, престиж) любыми способами, вопреки интересам и потребностям Другого, нашим связям, отношениям. Идет ли речь о политической экспансии и деспотии власти, ее претензии на тотальный контроль, либо потребительском конформизме, стремление к власти как условие конструирования тотальных практик формируется как эгоистическое

утилитарное отношение Я – Оно, где Оно – это вещь, масса, среда удовлетворения моих желаний, амбиций, реализации моего превосходства. Поэтому приоритеты в данной модели всегда четко расставлены: Я – высшее благо, ценность, а окружающий меня мир – это объекты моего удовлетворения, ценность которых зависит от степени их желаемости, то есть возможности служить мне, быть использованными.

Результатом преобладания данной асоциальной установки как на индивидуальном, так и на социальном уровнях является формирование деструктивной отношенческой системы, направляющей активные творческие силы человека (социальной группы) не на единение, целостность (стать участником, частью окружающего меня мира), а на противопоставление себя Целому, разрушение существующего порядка. «Движимый жаждой власти (обладания, накопления, присвоения) человек уже не способен воспринимать себя во всем богатстве и безграничности *человеческой* жизни, не способен реализовать и минимальную часть своей личности, не способен выйти за жесткие границы конформизма, освободиться. Он отказывается от возможностей, предоставляемых ему окружающим миром ради стремления подчинить его себе. Стремясь претворить в жизнь иллюзию превосходства, он хочет заставить окружающий мир работать на его желания» [2, с. 225].

На практике данная модель отношений воплощается в виде двух поведенческих стратегий – стремления к *господству*, реализующемуся через подавление тоталитарным объектом Другого(-их), властвование, контролирование, обладание им(ими), и к *поклонению*. Такая классификация, по сути, является идеально-типической моделью, символической демонстрацией реализации идеологии тотального «единения», механизм развития которой всегда направлен на дезинтеграцию социального (связей, отношений, интеракций). Другими словами, обе модели выступают аутентичными практиками одной деструктивной установки «иметь» (в терминологии Э. Фромма), дополняя друг друга и проявляясь в зависимости от степени удовлетворения жажды власти, обладания (один и тот же человек с присущей ему установкой на стремление к власти может проявлять себя и как тиран, и как жертва). Поэтому отправной точкой анализа здесь выступает стремление констатировать, утвердить превосходство (посредством

обладания «собственностью»), а следовательно, отделиться от единого Целого.

При этом стратегия *поклонения* (отдельной личности, группе, божествам, государству, вещам и т.п.) является первичной фазой в реализации стремления к власти, отделению от Целого. Как правило, эта модель актуализируется в связи с желанием быть тотальным объектом и подкрепляющим данное стремление страхом не реализовать его (то есть не получить желаемое). В связи с этим стремление получить шанс реализовать стремление к власти – значит идентифицировать себя с тотальным объектом. По сути, отождествляя себя с тоталитарной фигурой, человек стремится получить желаемое превосходство (в виде материальных благ, престижа и т.п., ведущих к власти, влиянию над другими) посредством конформизма. Он отчуждает свой человеческий потенциал, приспосабливается под «угрожающие» факторы ради единственной цели – получить доступ к обладанию желаемым.

Такая пассивная потребительская стратегия отношения к окружающему миру реализуется в тотальной конформистской практике *массы – быть таким, как вам угодно*¹. Масса (от древне-греческого *μάζα* – *тесто*, латинского *māssa* – *кусок*) представляет собой пластичный материал продуцирования и реализации потребительских установок и стереотипов. Человек массы – раб шаблонов и стандартов, диктуемых окружением, государством, идеализирующий возможности объектов поклонения. Он – мечта рационализированной системы, продуцирующей все новые и новые ограничения и табу на уникальность и активность. По сути, возрастание массы знаменует собой опасный синдром актуализации тотальности, угрожающий социальной цело-

¹ Конформизм предполагает приспособление к определенному общепринятому образцу и, следовательно, отказ от проявления себя настоящего. Начинает формироваться такая модель поведения в раннем детстве, когда ребенок приспосабливается под ожидаемое от него поведение со стороны родителей. На уровне общества конформизм подкрепляется пассивностью и ориентацией на стандартизированные, унифицированные образцы, эталоны, идеалы. Современная ориентация на конформизм охватывает большинство сфер социальной жизни. «Даже дружеские отношения складываются не на основе личной симпатии или влечения, а на основе удобства (рядом живем, вместе работаем, так выгодно). Такие отчужденные дружеские отношения и автоматический конформизм одобряются и принимаются современным человеком. Это ведет в свою очередь к тому, что человек, по сути, отказывается от самого себя, становится частью стада и находит удовольствие в этом. Это состояние нынче называют «сплоченностью». При этом недостаток конформизма наказывается не только словесным осуждением, но и жесткими мерами воздействия» [3, с. 216].

стности и порядку, поскольку в самом ее основании лежат деструктивные принципы дезорганизации и хаоса. Массу раздражает всякая общественная дифференциация и порядок. Так, в работе «Истоки тоталитаризма» Х. Арндт, анализируя природу тоталитарных тенденций, отмечает, что тоталитарное движение находит отклик именно у человека массы, который не способен к дифференциации и пониманию различий. Оно дает такому человеку удовлетворение, поскольку насыщает гнетущую жажду какой-нибудь идентификации, какого-то единства, каких-то социальных связей. Оно поощряет ненависть к многообразию, объявляет пустым различие интересов и взглядов. Оно дает слабому и обиженному человеку ощущение силы, которая только и может быть для него настоящим аргументом [4].

Выступая атрибутом патологичных состояний личности и системы, тотальность стремления к власти во всех своих проявлениях (как идеологический принцип, характер сознания (мышления) или политический режим) всегда ориентируется на конформность сознания, выдвигая претензию на «всеобщность» собственных установок и ценностей, где в качестве последней понимается не универсальный, а массовый характер. В этой связи Х. Арндт отмечает, что масса есть результат тотальной дезинтеграции, продукт политической системы, в которой огромное число людей переживают кризис идентичности. Масса не имеет никаких интересов или, по крайней мере, совершенно не способна их осознать, поэтому она не способна ни к какому объединению на основе общих интересов. Человек массы не способен чувствовать себя внутри какой бы то ни было общественной структуры, не ощущает связности какими-либо общими интересами, задачами, мотивациями в силу того, что он не способен учитывать чужие интересы. «Он не может понять, что разные люди по-разному мыслят, но при этом могут что-то обсуждать и в чем-то соглашаться. У него есть инстинктивное чувство, что разногласия непреодолимы, поскольку вызваны глубинными внутренними свойствами людей. Если он думает иначе, чем я, то это значит, что он – существо иного рода и договориться с ним невозможно. Например, он утверждает так, потому что он капиталист (еврей, американец). Имеет значение не аргументация, а личность (точнее, идентичность) говорящего. Поиск согласия – бессмысленная

затея. Истина должна быть только одна, и она должна быть хорошо известна» [4].

Опасность реализации такой потребительской стратегии заключается в том, что стратегия *поклонения*, мотивированная страхом не получить желаемое, не стать тотальным объектом, парализует сознание и волю человека, лишь нарастая со временем. Можно сказать, что в данной ситуации ортеговская позиция: «сегодня весь мир становится массой» – актуализируется, продолжая себя во фроммовском положении: «Что может быть очевиднее того факта, что люди готовы рисковать своей жизнью, отказываться от любви, отказываться от свободы, жертвовать своими собственными мыслями ради того, чтоб быть в “стаде”» [5, с. 62]. По своей сути, человек массы – тотальный потребитель. Он – «единица – изолированный в обществе индивид, не знающий, кто он и зачем живет. Он сам чувствует, что он “вздор”, “ноль”. И для него нет ничего желаннее, почувствовать себя частью грандиозного всеокрушающего целого. Ощущение слабости и зависимости («каждый дюжий ему господин») сменяется чувством необычайного могущества. Те, кто были раньше господами, теперь принуждены “замереть и лечь”. Те, кто был объединен какими-то социальными связями (возможно, те самые “двое слабых”) и имел какое-то значение в обществе, теперь осознают свое ничтожество, столкнувшись с “громящим миллионопалым кулаком”. Очень важно завершение отрывка: став частью могущественного движения, эта никчемная единица превращается в господина мира (“царства стираю на карте я”). Здесь, быть может, самая суть тоталитарного движения – оно вершит историю, меняет мир, через него осуществляется судьба всего человечества» [4, с. 421]. Он не настроен на развитие своего внутреннего мира, на поиск собственной уникальности, он охвачен лишь поиском способов *быть как все*, реализующими себя в практиках подражания, с целью получить как можно больше для себя. При этом он вполне доволен собственной стандартностью и похожестью на других. В этой связи Э. Фромм отмечает: «Стадный конформизм обладает только одним достоинством: он стабилен, а не периодичен. Индивид осваивает образец приспособления в возрасте трех-пяти лет, и впоследствии уже никогда не утрачивает контакта со стадом. Даже похороны воспринимаются человеком как свое последнее значи-

тельное социальное дело, совершаются в строгом соответствии с образцом» [5, с. 9].

Трансформируясь в массовую тоталитарную практику, конформизм массы блокирует возможность проявления и совершенствования человека. Страх не получить желаемого имеет вполне рациональные основания. Поскольку за каждым «быть как все», за каждым актом служения (системе, начальству, окружающим и т.п.) стоят вполне конкретизированные материальные компенсации – комфорт, деньги, материальные блага, продвижение по службе, получаемые человеком за отказ от себя настоящего. Принцип поклонения диктует: *чтобы получить желаемое, нужно быть таким, каким тебя хотят видеть, быть массой*. «Безразличие к окружающему, непонимание своих интересов, неумение общаться и находить связи с другими людьми приводит к странному безразличию к самому себе, обесцениванию себя. Ценность самого себя теряется в этих условиях, равно как и ценность Другого. Поэтому такой человек с готовностью отдает себя, всю свою жизнь некоему, по сути, первому попавшемуся движению, которое готово его подобрать» [4, с. 421].

На подобную асоциально-приспособленческую позицию рационализированная система реагирует целым арсеналом компенсационных средств: от льгот, стандартов, поощрений, условностей до предоставления способов и ресурсов служения «наиболее послушным» членам общества. Система превращается в фабрику по удовлетворению желания «иметь», работающую не столько на удовлетворение индивидуальных потребностей, сколько на производство все новых соблазнов массы «удобных личностей». По сути, добровольно отказывается от активной позиции соучастника общего Целого, ориентированного на единение, порядок, активное взаимодействие; разменивая ее на возможность использовать предоставляемые системой льготы, реализовать стремление к власти, человек лишает себя уникальности. «У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто на верху лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны ... От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера – все проявления жизни заданы заранее и подчинены шаблону.

Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь, с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?» [5, с. 10].

Реализация стремления к власти, обладанию ведет, в конечном счете, к трансформации стратегии *поклонения* в тотальную практику *господства*, наиболее иллюстративно воплотившуюся в истории человечества в «культе личности», «расовом и классовом превосходстве», «вождизме» и т.п. Поскольку жажда власти имеет особенность лишь нарастать во времени, обладание ею (фактической властью либо материальными благами, деньгами, близкими и т.п.) не снимает напряжения. В гонке за желаемым, борьбе за культ собственного Я человек еще с большей жадностью стремится присваивать возможности и окружающие его блага. И когда масштабы присвоенного становятся осязаемы, очевидны, он сам превращается в тотальный объект, реализующий власть во всем ее потенциале и многообразии: силы, принуждения, контроля. Теперь уже он сам выстраивает иерархию отношений. Тотальная идентичность требует подчинения своей «собственности», в ряд которой попадают окружающие ее люди и отношения. Другими словами, получив желаемое, осознав собственную власть, стратегия господства требует поклонения других. В качестве иллюстрации данной модели Х. Арендт приводит пример «колониального чиновника», осуществляющего власть метрополии в колонии. «В сознании ее носителей эта власть постепенно окружается романтическим ореолом. Во всем блеске его представил Киплинг, воспевавший бремя белого человека. По отношению к подвластному колониальному населению он выступает носителем высшей идеи. Возникает осознание избранности, особой миссии. Человек, облеченный особыми полномочиями, мыслит себя не просто политическим деятелем или администратором. Он осуществляет власть, исполняя высший закон, служа даже не метрополии, а высшей силе, наделившей его особым призванием и властью. Он утверждает новый порядок в мире, несет цивилизацию и просвещение. Этот взгляд на свою миссию тесно коррелирован с политической практикой. Исполнитель высшего закона не связывает себя юридическими

нормами. Колониальная администрация управляет посредством декретов. То есть она осуществляет бюрократическое управление, основанное на волевых решениях, не ориентируясь на какие-то правовые ограничения, гуманные ценности или моральные нормы – на все то, что ограничивает власть в метрополии. Декрет, то есть чрезвычайное, вызванное текущей ситуацией постановление власти, подменяет закон. В результате управление не получает никакого правового основания. Законность оказывается ненужной, даже вредной, поскольку стоит на пути волевых решений администратора» [4, с. 412].

В стратегии господства реализует свой деструктивный потенциал авторитарная личность, безудержно стремящаяся к власти, обладанию и вместе с тем, наследующая конформизм и стереотипность массы, переживающая страх собственной неполноценности и обделенности. В ее сознании отсутствует понятие равенства. Мир для нее состоит из людей, имеющих или не имеющих силу и власть, высших и низших, достойных и недостойных. Авторитарная личность нуждается в сохранении контроля над присвоенным, чтобы утвердить превосходство над другими. Это основа ее мировоззрения, в котором окружающий мир всегда враждебен, где данная личность – идол, лишенный всего человеческого, всего, что может помешать ему в борьбе за реализацию иллюзии превосходства. «Служение божкам, царям, героям – атрибут развития нашего прошлого и настоящего. Им многое прощается, они идеализируются, им поклоняются. И даже несмотря на разрушительные действия этих идолов, жертвы, которыми сопровождается все их “творчество”, рационализованная система отказывается объективно смотреть на вещи. Она не позволяет за каждым таким “героем” увидеть его ненасытную жажду власти и стремление получить ее любой ценой. Наше сознание видит лишь блеск воспетого культа, эффект его могущества, и само восхищается истуканом, тем самым загоняя нас в еще большую зависимость от служения. Поэтому, даже осознавая разрушительный потенциал идолов, человечество превращает их пороки в достоинства. То, что не прощается обычному смертному человеку, возвеличивается у “великих”» [2, с. 230].

В своем стремлении к обладанию как способу обретения власти идол претендует на то, чтобы самому быть законом, детерминирую-

щим паттерны взаимодействий и отношений людей, характер их связности. Поэтому его власть всегда тотальна. Она не терпит ограничений в виде морали, прав, свобод. Он сам – высшая сила, для которой другой человек – лишь масса, материал, на котором реализуется воля тотального объекта. «Тоталитарная власть – это высший исполнитель закона, задачей которого является уничтожение отмирающих групп. В этом смысле человек перестает быть человеком. Человек должен стать элементом в круговороте. Идет постоянное отмирание ненужного. Это отмирание в реальности означает непрерывное убийство или переделывание человека, что, по сути дела, одно и то же. Человек либо переделывается во что-то иное, либо уничтожается как отработанное» [4, с. 430].

Однако те законы и принципы, которые диктует тоталитарная личность, тот порядок, который насильственно конституирует (легитимно либо нет – нет значения), – это всегда разрозненная система «дальних» связей, «вторичных» уз, сохраняющих определенную, всегда внешне детерминированную силой, псевдосвязность. Поскольку отношения идола и массы, ему поклоняющейся, – это всегда отношения зависимости, несвободы, в которых каждая из сторон ощущает собственную неполноценность (только с разной частотой и степенью) и агрессию перед более «достойным», «сильным», «властным». Эта зависимость строится на страхе быть обделенным (силой, властью, авторитетом, деньгами, благами), требует постоянной борьбы и напряжения, принуждает поклоняться тем, чье стремление к господству сильнее, агрессивнее, насильственнее.

В этом проявляется себя дезинтегрирующий характер тотальной стратегии служения, направляющей, и в случае поклонения, и в случае господства, потенциал человек на разрыв связей с Целым ради удовлетворения деструктивного эгоистичного желания быть выше Другого. Следовательно, оба варианта тотальных практик не имеют ничего общего со стремлением человека к единению, целостности, порядку. Поскольку стремясь к обладанию, личность отчуждает тотальному объекту (в качестве которого может выступать политический режим, авторитет родителей, деньги и.п.) всю свою активность, свой потенциал, воспринимая обладание им как способ доказательства своего превосходства. Таким образом, искажается баланс отношений с объек-

том своего внимания: стремление к превосходству требует жертв, трансформируя живую человеческую природу в вещь, способную обрести связь с желаемым объектом лишь растворившись в нем. Поэтому за каждой из моделей тотальных практик всегда стоит *отчуждение, неприятие своей человеческой сути*, демонстрирующее себя через конформизм, обесценивание и подавление Другого.

Такие проявления служения встречаются зачастую в слепом подчинении политическому лидеру, государству, карьере, материальному богатству, партнеру по отношениям и т.п. На самом деле и вождь, и государство, и карьера, и материальные ценности есть то, что они есть, лишь с согласия самого человека. Они превращаются в идолов, когда личность начинает преувеличивать их значение, поклоняется им, надеясь с помощью такой «самоотдачи» получить для себя дополнительные возможности. «Не важно, о каком служении идет речь, о поклонении идолам, идолопоклоннической любви к человеку, вещам, политическому лидеру или государству, себе. Важно то, что в любом из указанных случаев человек ощущает себя не живым активным носителем собственного потенциала, а лишенной уникальных духовных качеств, мертвой “вещью”, зависимой от внешних обстоятельств, на которые он перенес свою жизненную энергию» [2, с. 232]. Находясь во власти стремления к обладанию, личность теряет связь с окружающим миром. В этой связи Э. Фромм отмечает, что «душевнобольной – это человек, *абсолютно отчужденный*; он полностью перестал ощущать себя средоточием своего собственного восприятия; он утратил чувство самости» [3, с. 167].

Заключение. Таким образом, стремление к власти, обладанию в идеологии тотальности является исходным стимулом реакции субъекта, мотивирующим его на поддержание зависимости от тоталитарных объектов. По мнению К. Хорни, «современная культура, социальное окружение существенно влияют на развитие стремления к власти. То обстоятельство, что невротики в нашей европейской культуре стремятся к власти как к средству успокоения, объясняется тем, что в нашем социуме власть и престиж могут обеспечить

чувство безопасности. Такое стремление к доминированию развивается тогда, когда любовь и аффилиация не снимают тревожности, когда на пути к любви возникают значительные препятствия и трудности... Завоевать любовь и расположение – значит получить успокоение путем усиления контакта с другими, в то время как стремление к власти, престижу и обладанию означает получение успокоения через ослабление контакта с другими и через укрепление собственного положения» [1].

Отчужденные личности, конформные автоматы, люди массы – мечта тоталитарной системы, основная задача которой создать как можно больше зависимостей, погрузить человека в страх, тем самым обрекая его на духовную смерть, а его связи – на разрушение. В такой системе все жестко структурировано, контролируется, здесь нет места человеческой спонтанности, единению. Напротив, само тотальное господство нацелено на ее уничтожение. Ведь «такая власть прочна только в том случае, если буквально все люди, без единого исключения, надежно контролируются в любом проявлении их жизни. Цель тоталитаризма, в конечном счете, заключается “в перерождении самой человеческой природы”» [4, с. 430].

Литература

1. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни; пер. с англ. В.В. Старовойтова. – М.: Айрис-пресс, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psychol-ok.ru/lib/horney/nlnv/nlnv_10.html. – Дата доступа: 03.06.2015.
2. Бродецкая, Ю. Общество человеческих отношений: в поисках утраченной целостности: монография / Ю. Бродецкая. – Днепропетровск: Инновация, 2014. – 370 с.
3. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 539 с.
4. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт; пер. с англ. И.В. Борисовой [и др.]; послесл. Ю.Н. Давыдова; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/01_a/re/ndt_18.htm. – Дата доступа: 04.05.2015.
5. Фромм, Э. Искусство любить. Исследование природы любви / Э. Фромм; пер. Л.А. Чернышевой. – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.

Поступила в редакцию 06.10.2015 г.